

УДК 82.0

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-100-104

СЕМАНТИКА СИБИРСКОГО ХРОНОТОПА В ЛИРИКЕ Т. Н. ГРИМБЛИТ

С. В. Бурмистрова

Московская духовная академия, Сергиев Посад

Анализируется малоизученный компонент отечественной культуры – религиозный художественный дискурс первой трети XX в.: корпус лирических текстов, создававшихся преимущественно в условиях ссылок и лагерей 1920–1930-х гг. Получает научное осмысление литературное наследие Татьяны Николаевны Гримблит, извлеченное из архивных источников в 2000-х гг.: несколько десятков стихотворений, которые можно рассматривать как автокомментарий жизни поэта. Художественные тексты Т. Гримблит выстраиваются в определенный сюжет, раскрывающий основные вехи духовного пути героини и отражающий облик эпохи. Исследуется религиозно-этическая картина мира Т. Гримблит, основанная на христианской вероучительной традиции и определяющая специфику хронотопической системы ее лирики. Выявляются особенности пространственной поэтики лирических текстов Т. Гримблит: принцип дихотомии, включающий изображение, с одной стороны, обезбоженного социума, а с другой – сакральной реальности. Анализируются способы моделирования образа Сибири в лирике Т. Гримблит: ретроспективный, имплицитный, натурфилософский. Хронотоп Сибири воссоздается в ретроспективном аспекте и с имплицитной позиции, что определяет его положительные характеристики в тексте: как родного для героини пространства, выполняющего функции защиты и являющегося источником вдохновения. Сибирский хронотоп осмыслен автором в натурфилософском аспекте: как знак божественного присутствия в земном мире. Натурфилософская интерпретация образа Сибири в лирике Т. Гримблит дополняется указанием на конкретные топонимы, а также обращением к универсальным формулам, восходящим к фольклорной традиции.

Ключевые слова: *сибирский текст, хронотоп, картина мира, пространственная поэтика, амбивалентность, религиозно-философская лирика, натурфилософия, христианский дискурс, оппозиция центр – периферия, фольклорные формулы, лирическая героиня.*

Развитие «специализированной поэтики» (от лат. *Spatium* – пространство) в современном литературоведении [1, с. 511] актуализировало интерес к изучению такого ее сегмента, как «сибирский хронотоп», и связанных с ним понятий «сибирский текст», «сибирский метатекст», «мифологема Сибири», «Ермаков сюжет» и др. В исследованиях В. И. Тюпы [2] А. С. Янушкевича [3], Т. Л. Рыбальченко [4], К. В. Анисимова [5], А. П. Казаркина [6], Б. Ф. Егорова [7] и др. образ Сибири рассматривается на литературном материале различных периодов и в разных аспектах: семиотическом, имагологическом, мифопоэтическом, гендерном. Структура и история сибирского текста постоянно уточняются не только благодаря новым методологическим подходам, но и за счет расширения источниковой базы. В этом плане особый интерес вызывают извлекаемые из архивов художественные и публицистические тексты, авторы которых в годы советской антирелигиозной пропаганды прошли испытания сибирскими ссылками и лагерями, некоторые из них были расстреляны. Исследование обнаруженных материалов может существенно обогатить не только представление о сибирском тексте, но и в целом о литературном процессе 1920–1930-х гг.

Литературное наследие Татьяны Николаевны Гримблит (1903–1937) невелико: сохранились

лишь две рукописные тетради, которые содержат несколько десятков стихотворных произведений, написанных в 1920–1930-е гг. По своему содержанию и поэтической образности стихотворения относятся к религиозно-философской лирике, в центре которой – категории «Бог», «человек», «душа», «природа» и др. [8].

Т. Н. Гримблит не была профессиональной поэтессой, свои стихи она не предназначала для публикации. Ее судьба не пересекалась с представителями литературы Серебряного века, но тесно соприкоснулась с трагическими судьбами тех, чьи имена войдут в православные святцы. Большая часть ее жизни прошла вдали от столиц, в небольших провинциальных городах. Т. Гримблит родилась в Томске, в семье, тесно связанной с православной культурой. Воспитанная в христианских традициях, она предпочла оставаться верной своим убеждениям и в эпоху советских гонений на церковь. В 1937 г. Т. Гримблит была расстреляна на Бутовском полигоне за «антисоветскую агитацию и вредительство». Под «антисоветской агитацией» тройка НКВД, как отмечено в материалах дела, подразумевала «внедрение религиозных чувств среди стационарных больных» [9] в период ее работы медсестрой; а под «вредительством» – ту помощь, которую она оказывала заключенным за счет своих скромных денежных средств. В 2002 г.

постановлением Священного синода Татиана Гримблит причислена к сонму новомучеников и исповедников российских.

Концептуальное содержание лирического творчества Т. Гримблит выдержано в едином христианском дискурсе и включает две постоянные темы. Одна из них связана с изображением жизни души лирической героини, другая выражает авторскую рефлексию о новой исторической эпохе, наступившей в результате революционного переворота. Изображение духовной и социальной реальности определяет специфику хронотопической системы, атрибутом которой является принцип амбивалентности. С одной стороны, художественное пространство содержит приметы социального мира, доминирующими признаками которого выступают образы стальных решеток, «железом обитых дверей», «гробовой доски», утонувшего в страстях столичного города. С другой стороны, обезбоженному социуму противопоставлены природное бытие и мир души лирической героини.

Сибирский хронотоп в лирике Т. Гримблит чаще всего возникает в ретроспективном контексте: как воспоминание о родине и детстве. Память о прошлом помогает лирической героине противостоять страшному настоящему. Ее система ценностей, ориентированная на христианские традиции и не вписывающаяся в новую постреволюционную идеологию, обусловила конфликт с социальным миром. Существование героини в чуждой советской действительности определяет такие черты ее психологического портрета, как одиночество, отверженность, юродство.

Преодоление аксиологического конфликта осуществляется благодаря переключению героини из социальной плоскости в сакральную и онтологическую. Духовную независимость от мира «лжи и клеветы» героиня обретает прежде всего в ситуации молитвенного обращения к Богу: «Время молитвы – всегда дорогое, / Злоба и мир далеко» [10, с. 174]. Состояние богообщения и связанной с ним духовной радости героиня способна переживать в любых условиях, в том числе в тюремном заключении: «Но радость, что Богом дана / В тюрьме, и на воле храню» – признается героиня в стихотворении «В лазарете» (1932) [10, с. 178].

Социальной пространственности Т. Гримблит противопоставляет также образы природного бытия. Доминирующее положение в лирике природных топосов свидетельствует об их особой значимости для автора, создающего своего рода художественную натурфилософию. Т. Гримблит выражает отношение к природе как к пространству гармонии, сотворенному Богом и несущему радость и благо человеку. Природа оказывает оживотворяющее действие на героиню, дает ощущение свобо-

ды. Способность прозревать божественное начало в природе становится неотъемлемой частью личности героини и отождествляется с ее творческой одаренностью. В стихотворении «Мечта» (1932) героиня наблюдает красоту природы, даже находясь в тюремной камере: «Упали решетки окна, / Не слышу я звона ключей – / И снова я в поле одна... / Журчит беззаботный ручей <...> / Мечты мои, сон золотой! / Как полны вы красок, огня! / Вас даже разлукою злой / Никто не отнял у меня. / Кукушки не слышно, молчит, / А сердце покоем полно – / Решетку шутя золотит / Луч солнца, забравшись в окно» [10, с. 172].

Ситуация пребывания в тюремной камере и невозможность непосредственного взаимодействия с миром природы развивает в героине способность приобщаться к природе ментально. Впечатления о Сибири, выраженные автором в поэтическом слове, представлены не только как воспоминания, но и как возвращение и новое переживание тех чувств, которые возникали в момент непосредственного общения с сибирской природой: «Томь так же прозрачно и быстро струилась, – / И вновь я душой на ее берегу, / И сердце тревожно и больно забилося, – С пеленок люблю и забыть не могу» [10, с. 159].

Сибирь для поэта – это малая родина, а потому ее образ моделируется с позиции внутреннего, а не внешнего восприятия и всегда наделяется позитивной характеристикой. Внутренний взгляд на Сибирь объясняет присущую поэзии Т. Гримблит трансформацию традиционной для сибирского метатекста пространственной семантики, которая формировалась преимущественно как рецептивная парадигма стороннего наблюдателя. Так, в отрывке из стихотворения «Дорогая картина» (1930) обращает внимание расстановка семантических акцентов в оппозиции центр/периферия: положительные значения родного, доброго и тихого получает сибирская тайга, а не «шумная» Москва: «Усни же спокойно тревожная дума – / Природы картина всегда дорога: / Средь бешеной жизни московского шума / Мне тихо смеется родная тайга» [10, с. 159].

В стихотворениях «Вот опять тоска немая...», «Проснись», «Родине» и др. функционируют типичные характеристики Сибири как царства холода и снега, как места испытания суровой тайгой, но осмысляются они в нетипичном – позитивном модусе. В стихотворении «Вот опять тоска немая...» (1928) сибирский лес и реки определяются как «колыбель» для героини, а «буйная пурга» как песнь, которую она слышала в детстве: «Лес и реки – вот родная / Колыбель твоя», «Еще в детстве песней были / Буйная пурга» [10, с. 140]. В условиях суровой северной природы сформировались душевные качества героини – внутренняя стойкость, любовь к Богу и людям. Поэтому нередко для

раскрытия духовного облика героини автор использует прием контрастного сопоставления образов внешнего сибирского «холода» и внутренней «горячей любви»: «Под холодным тем покровом / Сердце стало жить / И, послушно тайным зовам, / Горячо любить» [10, с. 140].

Оппозиция «центр – периферия» включает в лирике Т. Гримблит не только образы Москвы и Сибири, но и противопоставление «юг – север». Столичный мир отождествляется с югом, который не привлекает героиню ни своими красками, ни веселым шумом: «Не сули, Москва, веселье, / Краски, юг, не трать – / Мне милей лягушки пенье, / Кедров стройных рать» [10, с. 142]. Столичное и южное пространство ассоциируется с социальной реальностью, осмысленной автором в аксиологической перспективе: как мир лжи, клеветы, злобы. Природные стихии юга, символизирующие социум, наделяются деструктивными функциями. Так, в стихотворении «Проснись» (1928) хронотоп юга, пустыни выражает семантику неволи, злобы и безумия социального мира: «Пустыню видела во сне: / Кругом песок лежал; / Горяч на солнечном огне, / Мне тело обжигал <...> / Сиянье северных огней / Причудилось мне вдруг, / Но нет, то солнце жжет сильней, / Сдирая кожу с рук <...> / О, если б так же было сном, / Что в мире зло живет, / В борьбе кровавой за кусок / Брат кожу с брата рвет» [10, с. 143].

Только единичные локусы столичного московского мира получают в поэзии Т. Гримблит позитивную семантику – храмы и монастыри: «Я с детства резвилась на поле / И юность в лесах провела: / Пусти меня, Отче, на волю – / Столица развратна и зла. / Лишь храмы и служба так чудны, / Что здесь лишь живу и дышу, / Вне храма же – больно и трудно, / Хоть сердцем все Бога зову» [10, с. 261].

Напротив, Сибирь, север отождествляются в поэзии Т. Гримблит с природным бытием, исключаящим безнравственность, несущим человеку благо и содержащим знаки божественного присутствия в мире: «Я лес мой люблю безрассудно, / Отец мой любимый, прости! – / Там Богу молиться нетрудно, / Нетрудно и жертвы нести» [10, с. 262].

В лирике Т. Гримблит переосмысливается традиционная для сибирского метатекста семантика оппозиции «свобода – неволя». Именно Сибирь определяется автором как пространство свободы, а Москва – как неволя, тюрьма: «Москва – золоченая клетка – / Все сердце мое разорвет», «С алмазами клетка столица... / О, как она мне не мила! / Усталые, злобные лица, – / На сердце же прежняя мгла» [10, с. 262]; «Никогда за решеткой стальной / Не терпела такую я боль, / Как в столице с шумящей толпой, Вечно в маске играющей роль, / А теперь – прочь забота беги! / Уноси, дума, душу скорей /

И под шепот суровой тайги / Лаской ночи мне сердце согрей» [10, с. 280].

Социально-политической масштабности столицы, направленной на подавление человеческой личности, автор противопоставляет природное величие Сибири – безграничную тайгу, стремительные реки, снежные зимы. Изображение Сибири в лирике Т. Гримблит, с одной стороны, отличается конкретикой: названы реальные топонимы – Томь, Томск, звезды северного неба – Орион, Полярная звезда. В то же время, воссоздавая образ Сибири, автор прибегает к устойчивым фольклорным формулам. Так, распространенная в фольклорных текстах ситуация обращения человека к природным стихиям неоднократно используется в религиозно-философской поэзии Т. Гримблит. Лес, солнце, ветер, реки, озера персонифицируются, поскольку лирическая героиня обращается к ним как к родным и дорогим существам: «Скользнула, припала к земле, / Прижалась всей грудью моей: / Родная, будь матерью мне / И лаской твоею согрей» [10, с. 172]; «Ты, земля, меня жаром привет, / Отдых дай на широкой груди» [10, с. 194].

Восходящие к народной сказочной традиции формулы обращения героини к природе приобретают дополнительные семантические штрихи благодаря использованию мотива ментального диалога. Лирическая героиня, как правило, ведет немую, сердечную беседу с природой: «Сердце беседу ведет / С лесом – немую, не лстя: / Он наклонился вперед, / Слушает, весь шелестя» [10, с. 134]. Отметим, что природу героиня воспринимает как проявление божественной любви к человеку и поэтому отзывается на него своим сердцем: «Мох мне тропинку устлал / Мягким пушистым ковром, / Лес осторожно шептал – / Шепот тот в сердце моем» [10, с. 135].

Репрезентация и наименование отдельных природных образов в лирике Т. Гримблит осуществляется также в соответствии с фольклорными канонами. Так, наиболее частой является словесная формула «мать сыра земля», месяц именуется «серебристым», облако видится героине «сказочным князем», а ветер – вестником, соединяющим с родиной, Сибирь сравнивается со сказочным богатырем.

Ритмика некоторых стихотворений приближена к народной песне: «Гой вы, поле, леса и цветы, / Дружно в пляску за ветром седым! / Порассейте вы думы мои / И потешьте приветом своим» [10, с. 194].

Подытоживая, следует отметить, картина мира в лирике Т. Гримблит моделируется с помощью контрастных оппозиций, подчиненных, с одной стороны, отражению внешнего социального пространства, а с другой – изображению сакральной реальности. К духовной сфере относится не только

мир души лирической героини, но также локусы сибирской природы. Образ Сибири моделируется в ретроспективном аспекте и с имплицитной позиции, что определяет его положительные характеристики в тексте. Возникающие в воспоминаниях героини картины родной сибирской природы – величественной тайги, «прозрачной» и «быстрой» реки Томи – помогают ей обрести душевный мир и преодолеть абсурдность настоящего. Восприятие Си-

бири раскрывает особенности художественной натурфилософии Т. Гримблит: природный мир не только отражает душевное состояние героини, но и осмысливается автором как инобытие Бога, как проявление божественного присутствия в земном мире. Натурфилософская интерпретация образа Сибири дополняется указанием на конкретные топонимы, а также обращением к универсальным формулам, восходящим к фольклорной традиции.

Список литературы

1. Топоров В. Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М., 1997. С. 511.
2. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филол. журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
3. Янушкевич А. С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Материалы Междунар. науч. конф. «Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства». Иркутск, 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/index.html (дата обращения: 23.06.2016).
4. Рыбальченко Т. Л. Мифологема образа Сибири в русской прозе второй половины XX века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/index.html (дата обращения: 23.06.2016).
5. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / И. Айзикова, К. Анисимов, Д. Замятин и др.; отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск, 2010. 237 с.
6. Казаркин А. П. Проза Сибири в XX веке // Сибирь в контексте мировой культуры. Томск, 2003. С. 97–118.
7. Егоров Б. Ф. О провинциальной культуре и региональном самосознании // Сибирь в контексте мировой культуры. Томск, 2003. С. 7–9.
8. Бурмистрова С. В. Эпоха гонений на церковь в зеркале русской литературы (на материале лирики новомученицы Татианы Гримблит) // Богословский вестн. 2017. № 26–27. С. 196–222.
9. Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 4. Л. 12–20. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1032. Л. 1-а–1-к. Л. 8–13 об. (ЦА ФСБ России. Д. Р-1086).
10. Гримблит Т. Н. Мне бы жизнь за Тебя положить. Стихотворения. Реутов, 2008. 294 с.

Бурмистрова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Московская духовная академия (Свято-Троицкая Сергиева лавра, Сергиев Посад, Россия, 141300). E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 30.05.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-100-104

SEMANTICS OF THE SIBERIAN CHRONOTOPE IN THE LYRICS BY T. N. GRIMBLIT

S. V. Burmistrova

Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russian Federation

The article analyzes the little studied component of the national culture – the religious artistic discourse of the first third of the XX century: lyrical texts, created mainly, in the conditions of exile and camps of 1920–30. Tatyana Nikolaevna Grimblit's literary heritage, extracted from archival sources, is compiled into scientific circulation. She composes several dozen poems, which can be regarded as a kind of an auto-commentary on her life. The poetic texts of T. Grimblit are lined up in a certain plot, revealing the main landmarks of the heroine's spiritual path and reflecting the appearance of the epoch. The religious-ethical picture of the world of T. Grimblit is investigated, based on the Christian doctrine and defining the specifics of the chronotopic system of lyric poetry. Specifics of the spatial poetics of lyrical texts T. Grimblit are determined: the principle of dichotomy, which includes an image of an obese socium, on the one hand, and sacred reality on the other. To the spiritual sphere is not only the world of the soul of the lyrical heroine, but the images of natural being, incl. Siberian chronotope. The ways of modeling the movement of Siberia in the lyrics of T. Grimblit are analyzed: retrospective, implicit, natural philosophical. The chronotope of Siberia is recreated in a retrospective aspect and with an implicit position, which determines its positive characteristics in the text: as a native space for the heroine, performing the functions of protection and being the source of inspiration. The Siberian chronotope is comprehended by the author in the natural-philosophical aspect: as a sign of the divine presence in the earthly world. The natural-philosophical interpretation of the image of Siberia in T. Grimblit's lyrics is supplemented by an indication of specific toponyms, as well as an appeal to universal formulas that go back to the folklore tradition.

Key words: *Siberian text, chronotope, world view, spatial poetics, ambivalence, religious and philosophical lyrics, natural philosophy, Christian discourse, opposition center – periphery, folklore formulas, lyrical heroine.*

References

1. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst. Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga* [Space and text. From the works of the Moscow semiotic circle]. Moscow, 1997. P. 621 (in Russian).
2. Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythology of Siberia: to the question of the "Siberian text" of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2002, no. 1, pp. 27–35 (in Russian).
3. Yanushkevich A. S. Sibirskiy tekst: vzglyad izvne i iznutri [The Siberian text: a view from the outside and from within]. *Materialy mezhregional'noy nauchnoy konferentsii. Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoye izmereniye prostranstva* [Materials of the Interregional Scientific Conference Siberia: a view from the outside and from the inside. Spiritual dimension of space]. Irkutsk, 2004 (in Russian). URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/index.html (accessed 23 May 2018).
4. Rybal'chenko T. L. Mifologemy obraza Sibiri v russkoy proze vtoroy poloviny XX veka [Mythology of the image of Siberia in the Russian prose of the second half of the twentieth century]. *Materialy mezhregional'noy nauchnoy konferentsii. Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoye izmereniye prostranstva* [Materials of the Interregional Scientific Conference Siberia: a view from the outside and from the inside. Spiritual dimension of space]. Irkutsk, 2004 (in Russian). URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/index.html (accessed 23 May 2018).
5. Anisimov K. V. (Editor-in-chief). *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [The Siberian text in the national story space]. Krasnoyarsk, 2010. P. 237 (in Russian).
6. Kazarkin A. P. Proza Sibiri v XX veke [Prose of Siberia in the twentieth century]. *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury* [Siberia in the context of world culture]. Tomsk, 2003. Pp. 97–118 (in Russian).
7. Egorov B. V. O provintsial'noy kul'ture i regional'nom samosoznaniy [About provincial culture and regional self-awareness]. *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury* [Siberia in the context of world culture]. Tomsk, 2003. Pp. 7–9 (in Russian).
8. Burmistrova S. V. Epokha goneniy na tserkov' v zerkale russkoy literatury (na materiale liriki novomuchenitsy Tatiyany Grimblit) [The era of persecution of the church in the mirror of Russian literature (on the material of the lyrics of the new martyr Tatiana Grimble)]. *Bogoslovskiy vestnik*, 2017, no. 26–27, pp. 196–222 (in Russian).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti* [State Archives of the Tomsk Region]. F. 126. Op. 4. L. 12–20. F. 209. Op. 1. D. 1032. L. 1-a–1-k. l. 8–13 ob. (TsA FSB Rossii. D. R-1086) [Central Archives of the Federal Security Service. D. R-1086].
10. Grimblit T. N. *Mne by zhizn' za Tebya polozhit'*. *Stikhotvoreniya* [I would have a life for you. Poems]. Reutov, 2008. 294 p. (in Russian).

Burmistova S. V., Moscow Theological Academy (Holy Trinity lavra of St. Sergius, Sergiev Posad, Russian Federation, 141300). E-mail: t-svet2007@yandex.ru